

Гуань Янь не придавал этому значения:

— Зачем так торопиться?

Ранее он уже говорил, что актёрское мастерство Тан Цюя не уступает его собственному, но режиссёр Тань не поверил, выделив всё послеобеденное время для съёмок с Тан Цюем. Разве это не проявление недоверия к нему?

Самое главное — как можно недооценивать Тан Цюя?

Тан Цюй тоже удивился:

— Почему ты всё время меня задерживаешь? Неужели жалеешь, что пригласил меня на эту роль?

— Как такое возможно? Я просто хочу, чтобы этот старик Тань поволновался немного.

Тан Цюй вопросительно посмотрел на него.

— Я сказал ему, что ты справишься с одного дубля, а он не поверил и освободил весь вечер. Вот я и решил заставить его поволноваться.

Тан Цюй растерянно улыбнулся:

— Ты как ребенок.

Гуань Янь хмыкнул. Для него Тан Цюй был лучшим, и это не подлежало обсуждению.

— Ладно, хватит тут шуметь. Я пойду накладывать грим, а ты тоже приведи себя в порядок и готовься к съёмкам.

Гуань Янь стоял молча, плотно сжатые губы выдавали его плохое настроение.

— Давай закончим поскорее, и у нас останется время для себя, — Тан Цюй подошёл ближе и шепнул ему.

Только тогда выражение лица Гуань Яня прояснилось. Действительно, чем быстрее они закончат, тем больше времени останется на общение с Тан Цюем.

Пока Тан Цюй гримировался, Гуань Янь бросил взгляд на режиссёра Таня:

— Быстрее.

Тань лишь закатил глаза. На съёмочной площадке слово актера оказалось весомее, чем у режиссёра.

На этот раз они снимали исторический эпизод. У Тан Цюя была хорошая внешность, поэтому грим не занимал много времени, лишь волосы требовали больше усилий.

Для достижения аутентичности после накладки парика нужно было заплести волосы, стремясь к совершенству.

Девятитысячелетний был молод, но занимал высокое положение. Даже за пределами дворца он излучал аристократизм.

Поэтому в первой сцене Тан Цюй появился в одежде знатного юноши, что резко контрастировало с простым нарядом Первого Принца.

Когда Тан Цюй был готов, Гуань Янь ещё не вышел.

— Тан Цюй, подойди, я объясню тебе сцену. Не буду давить, постараемся уложиться в десять дублей.

— Десять? Это так строго?

Помощник режиссёра вставил:

— Он известен своей строгостью. Ни одна деталь не должна быть упущена. Поймёшь, когда начнешь снимать, что десять дублей — это ещё легко.

— Не болтай ерунды. Я ведь добрый. Тан Цюй, есть ли что-то непонятное в первой сцене?

Тан Цюй покачал головой:

— Давайте сразу начнём. Чем меньше времени потратим, тем лучше.

— Хорошо.

Все приготовились к началу.

Тан Цюй был одет в тёмно-красный халат, пояс подчёркивал его тонкую талию, а белый полупрозрачный шёлк с золотой отделкой добавлял аристократичности.

— Ваше Высочество, мы почти на месте. Действительно ли мы должны забрать его с собой?

— А почему бы и нет?

Слуга приблизился к Фу Елю:

— Девятитысячелетний, вы были так любимы покойным императором. А Первый Принц теперь всего лишь изгнанник. Раз уж завещание императора никто не видел, почему бы вам не... — Слуга провёл рукой по шее, изображая жест убийства.

Фу Елю повернулся к слуге, его изящные черты лица озарились легкой улыбкой.

Увидев улыбку Девятитысячелетнего, слуга потерял уверенность, в его глазах появился страх. Прежде чем он успел что-то сказать, его глаза широко раскрылись.

В животе слуги оказался кинжал, на рукояти которого были сложные узоры, указывающие на высокий статус владельца.

Остальные быстро увели тело, Девятитысячелетний отступил, не оставив на себе ни капли крови.

На всём протяжении сцены он даже бровью не повёл, после чего продолжил путь с оставшимися слугами.

— Стоп!

Режиссёр Тань смотрел на монитор в полном изумлении. С первого дубля?

Он был готов затянуть съёмки до вечера.

Эта сцена казалась простой, но на самом деле была сложной.

Изменения в выражении лица Девятитысячелетнего были едва заметны, малейшая ошибка могла превратить его в безэмоционального персонажа, не способного тронуть зрителей.

Его цель заключалась в том, чтобы с первых секунд поразить аудиторию.

Молодое лицо, жестокие методы — всё это должно было запомниться зрителям с первого взгляда.

Актёр, игравший с Тан Цюем, почувствовал это лучше всех. В тот момент он действительно ощутил, что Тан Цюй хочет его убить. Улыбка была леденящей.

Успешный дубль с первого раза превзошёл ожидания режиссёра.

Когда Тан Цюй подошёл, режиссёр всё ещё был в замешательстве.

Из мрачного Девятитысячелетнего он превратился в солнечного юношу. Это мгновенное изменение заставило Таня понять, почему Гуань Янь так ценил Тан Цюя.

При просмотре записи невозможно было найти ни единой ошибки. Каждое движение, каждый взгляд были идеальны.

Тан Цюй и был тем самым юным Девятитысячелетним.

Гуань Янь тоже подошёл, чтобы посмотреть запись. Для него наблюдение за игрой Тан Цюя всегда было удовольствием.

Однако, чем дольше он смотрел, тем больше ему становилось не по себе. Почему этот актёр стоит так близко к Тан Цюю? Неужели нельзя держать дистанцию?

Тот актёр, который только что упал на землю, встал и тут же получил непонятный взгляд от Гуань Яня. Он замер, думая, что ошибся в игре, но, не услышав команды о пересъёмке, успокоился.

Режиссёр уже готовился к съёмкам сцены с Гуань Янем и Тан Цюем.

Первая встреча Первого Принца и Девятитысячелетнего произошла у того же озера.

Первый Принц и Девятитысячелетний стояли друг напротив друга. Один, воспитанный в роскоши дворца, другой, выросший в глуши, без изысканных манер. Разница между ними была очевидна.

— Ваш слуга приветствует Первого Принца, — знатный человек без колебаний опустился на колени, шокируя всех.

Девятитысячелетний был настолько высокого ранга, что никто, кроме императора, не заслуживал такого поклона.

Но Первый Принц принял его.

Первый Принц растерялся, не зная, как поступить.

— Вы, вы... Встаньте! Кто вы такой?

— Ваш слуга получил наказ от покойного императора сопроводить Первого Принца во дворец, — Девятитысячелетний поднялся, отряхнув несуществующую пыль.

Глядя на Девятитысячелетнего, Первый Принц испытывал смешанные чувства ненависти и страха. Этот человек излучал мрачность, и он явно был не из его круга.

— Вы будете защищать меня?

— Пока я здесь, вы в безопасности, — взгляд Девятитысячелетнего был спокоен, ни капли привычной дерзости.

Первый Принц, казалось, сразу поверил ему. Ведь даже если бы он не поверил, у него не было выбора. Фу Елю привёл столько слуг, что убить его было бы проще, чем раздавить муравья.

— Как вас зовут?

Девятитысячелетний замешкался. С тех пор как он получил этот титул, никто не спрашивал его имени.

— Ваш слуга — Фу Елю.

— Елю? Я буду так вас называть.

Фу Елю задумался, увидев в глазах Первого Принца чистоту. В столице он чаще всего видел зависть, ревность и расчёт. Такие искренние глаза он не видел уже давно. Даже в зеркале он замечал, что его собственный взгляд уже не был таким ясным.

Неожиданно для себя он ответил:

— Хорошо.

Первая встреча правителя и подданного завершилась.

С командой режиссёра «Стоп!» съёмки на сегодня закончились.

Взглянув на высоко висящее солнце, Тань пожалел, что не запланировал больше сцен.

— Киноимператор, Тан Цюй, давайте обсудим кое-что, — режиссёр Тань улыбался подобострастно.

— Отказ, — Гуань Янь холодно ответил и увёл Тан Цюя.

— Неужели так правильно уходить?

— Он тебе не верил, пусть теперь жалеет. Сегодняшний вечер будем считать выходным. Хоть здесь и нет городской суеты, но есть интересные места.

Тан Цюй шёл за Гуань Янем, глядя на их соединённые руки, и не мог сдержать улыбки.

Гуань Янь не повёл его обратно в палатку, а направился по другой тропинке.

Хотя съёмочная группа находилась в глуши, эта местность не была совсем уж безлюдной.

По пути они встречали небольшие поляны с цветами, что делало пейзаж ещё более красивым.

Дойдя до открытого места, Гуань Янь остановился.

— Зачем мы пришли сюда?

Гуань Янь нашёл чистый камень, и они вместе сели.

— Я был здесь пару дней назад для съёмок и нашёл это место красивым.

Отсюда открывался вид на зелень, и настроение сразу становилось спокойным.

Они тихо сидели некоторое время. Гуань Янь смотрел на профиль Тан Цюя, затем вдруг встал:

— Подожди меня здесь.

Тан Цюй кивнул, не спрашивая, куда он идёт.

Гуань Янь не ушёл далеко, перемещаясь среди зелени.

Оба были в костюмах, словно древние принцы на прогулке.

Тан Цюй на мгновение отвлекся, и Гуань Янь исчез из его поля зрения.

Через некоторое время он почувствовал что-то на голове.

Дотронувшись, он обнаружил венчик из цветов.

<http://bllate.org/book/16733/1560862>